

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ГЕОГРАФИИ

УДК 911.3

DOI: 10.15372/GIPR20240512

В.Н. СТРЕЛЕЦКИЙ*^{***}

*Институт географии РАН,

119017, Москва, Старомонетный пер., 29, Россия, vstreletski@mail.ru

**Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
109028, Москва, Покровский бульвар, 11, Россия, vstreletski@mail.ru

РОССИЯ МЕЖДУ ЗАПАДОМ И ВОСТОКОМ: ГЕОИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННЫЙ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Проведено сравнение разных концептов цивилизационного развития России в формате четырех потоков историософской мысли («Россия – Запад»; «Россия – Восток»; «Россия – мост между Западом и Востоком»; «Россия как особый и самодостаточный евразийский мир»). Обсуждаются аргументы за и против каждого из концептов с историко- и культурно-географических позиций. Делается вывод о том, что Россия в существенно большей степени страны «европейская», нежели «евразийская», но имеющая свою цивилизационную специфику, сильно отличающую ее от Западной Европы. Эти различия отчетливо проявляются в том числе в разных типах их социокультурных пространств. В зарубежной Европе регионализация культуры протекала в первую очередь по мере «уплотнения» освоенного пространства, его «обустройства», в России – в основном по мере формирования локальных субкультур в процессе колонизации новых территорий и инкорпорации в социокультурное пространство иноэтнических ареалов. В России, особенно в пределах этнокультурного мегаадра страны (с численно преобладающим русским населением), вертикальная поляризация пространства (город–село, крупный город–малый город) выражена более рельефно, чем его горизонтальная дифференциация (различия между культурными районами). На основе анализа данных всероссийских переписей населения выделены новейшие этноструктурные, этнокультурные и этнотерриториальные сдвиги в российском пространстве, характерные для постсоветского периода. В конце XX–первые десятилетия XXI в. происходит «коренизация» населения большинства национальных республик России (рост удельного веса титульных национальностей и сокращение в этих республиках доли русского населения). При этом этносы России все более стягиваются в свои национальные республики, концентрируются в пределах «своих» этнических территорий. Тренды трансформации социокультурного пространства свидетельствуют о том, что страна становится все более мультикультурной, и это предопределяет необходимость многовекторности развития России.

Ключевые слова: Запад и Восток, историческая и культурная география, социокультурное пространство, территориальная идентичность, культурный регионализм.

V.N. STRELETSKY*^{***}

*Institute of Geography, Russian Academy of Sciences,
119017, Moscow, Staromonetny per., 29, Russia, vstreletski@mail.ru

**National Research University Higher School of Economics,
109028, Moscow, Pokrovsky bulv., 11, Russia, vstreletski@mail.ru

RUSSIA BETWEEN WEST AND EAST: GEOHISTORICAL EXPERIENCE AND CONTEMPORARY SOCIOCULTURAL CONTEXT OF SPATIAL DEVELOPMENT

Different patterns of historical evolution of Russian civilization area are compared; they are considered in the framework of four historical concepts: “Russia as a part of the global West”; “Russia as a part of the global East (Orient)”; “Russia as a cultural bridge between West and East”; “Russia as an organic Eurasian cultural realm”. Various arguments “pro et contra”

are discussed and compared in favour of and against each of those concepts, from the standpoint of historical and cultural geography. It has been concluded that Russia is significantly more a “European” country than a “Eurasian” one. However, Russia has its own civilizational patterns, which greatly distinguish it from Western Europe. These differences are clearly manifested, among other things, in different types of their sociocultural spaces. In Western Europe, the regionalization of culture occurred as the developed space “densified” and “arranged”; in Russia, mainly as local cultures formed in the process of colonization of new territories and incorporation of foreign ethnic areas into the sociocultural space. In Russia, especially within the ethnocultural mega-core of the country (with a numerically predominant Russian population), the “vertical” polarization of space (differences “urban–rural”, “large city–small town”) is expressed more clearly than its “horizontal” differentiation (differences between cultural areas). Based on the analysis of the data from the All-Russian population censuses, the latest ethnostructural, ethnocultural and ethnoterritorial shifts in the Russian space, characteristic of the Post-Soviet period, are identified. At the end of the 20th – the first decades of the 21st centuries, the population of the majority of the national republics of Russia became “indigenized” (an increase in the share of “titular” nationalities and a decrease in the share of the ethnic Russian population in these republics). At the same time, the ethnic groups of Russia are increasingly “pulled together” into their national republics, concentrated within “their” ethnic territories. The trends in transformation of the sociocultural space indicate that the country is becoming more and more multicultural, which predetermines the demand for multi-vector development in Russia.

Keywords: West and East, historical and cultural geography, sociocultural space, regional and local identity, cultural regionalism.

ВВЕДЕНИЕ

Колossalные размеры территории, ее ландшафтное разнообразие, положение на стыке разных культурных миров предопределили особую сложность национальной истории России. Миграции разнозычных народов, их смешение и чересполосное расселение, колонизация новых земель стали ключевыми факторами пространственной дифференциации и регионализации страны. Большие культурно-географические изменения произошли в России и в постсоветский период.

Распад многонациональных государств (каковыми были и Российской империя, и СССР) всегда влечет за собой трансформацию идентичностей. В конце XX–начале XXI в. этот процесс проявился во всем своем многообразии. Людям пришлось адаптироваться, привыкать к новым границам и новому территориальному устройству, к быстро меняющимся общественным реалиям; коллективный образ «мы» претерпел у россиян в этих условиях существенную деформацию. Вместе с тем даже в переломные эпохи сила традиций, исторического опыта и унаследованных (в том числе пространственных) структур остается значимым фактором «преемственности» идентичностей.

Учет цивилизационных, социокультурных, этнокультурных особенностей страны имеет первостепенное значение для понимания специфики российского регионализма, движущих сил регионализации России как страны многонациональной, для осмыслиения роли и соотношения разных идентичностей (в том числе региональной и локальной, а также этнической и др.) в российском пространстве.

Цель статьи — анализ геоцивилизационной и культурно-географической специфики российского пространства и выявление трендов его эволюции и современной трансформации с акцентом на социокультурный (в широком смысле этого слова) контекст пространственного развития нашей страны.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Основными материалами исследования послужили разнообразные литературные источники, и прежде всего труды отечественных и зарубежных ученых (географов, историков, философов, этнографов и этнологов, специалистов по социальной и культурной антропологии, экономистов, социологов и др.), придерживавшихся различных (иногда прямо противоположных) трактовок российской истории, интерпретаций культурно-цивилизационной специфики России, роли географических и иных факторов пространственного развития страны и ее регионов на разных исторических этапах. Также были использованы статистические материалы, в частности данные переписей населения 1989 г. (последней Всесоюзной) и 2021 г. (последней Всероссийской), прежде всего об этническом составе населения России и ее отдельных регионов и о владении языками.

Анализ цивилизационно-культурных особенностей России, геисторических трендов ее пространственного развития потребовал применения различных методов, подходов и приемов. Общая концепция работы зиждется на системном подходе, философском и междисциплинарном понимании развития и принципов социальной динамики. По мнению автора, в исследованиях по данной проблематике необходима особая оптика восприятия культурного пространства: первостепенное внимание должно уделяться не просто характерным особенностям территории, различиям от места к месту, от района к району, но прежде всего системообразующим факторам пространственной динамики, тем

паттернам, которые определяют специфику и вместе с тем социокультурную целостность территории. Именно поэтому в работе над статьей наиболее широко были использованы системно-структурный, а также ретроспективный, историко-географический, сравнительно-географический методы исследования.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Российская идентичность в историко- и геоцивилизационном нарративе. Вопрос об исторических судьбах России и цивилизационных основаниях ее развития остается в научном сообществе дискуссионным еще с XIX в. Разброс мнений по данному вопросу чрезвычайно широк, даже при самой общей систематизации и генерализации таковых можно выделить как минимум четыре потока историософской мысли, с принципиально разными подходами и концептами. Кратко рассмотрим эти концепции.

Россия – Запад. Эта точка зрения обосновывается обычно ссылками на местонахождение исторического ядра страны, христианское (православное) вероисповедание большинства населения, его европейский, большей частью этнический субстрат, включенность русской культуры в общеевропейский культурный процесс еще со времен Киевской Руси.

Западничество как направление российской социально-философской мысли, сложившееся в основном во второй четверти XIX в., никогда не представляло собой целостной, универсальной и непротиворечивой доктрины. Т.Н. Грановский (1813–1855), К.Д. Кавелин (1818–1885), Б.Н. Чичерин (1828–1904) и другие лидеры российского западничества позапрошлого столетия писали о России как о периферии европейской цивилизации, в силу особо неблагоприятных условий (природных и социальных) задержанной в своем развитии по тому же историческому пути, что и Западный мир.

Ключевые вопросы для русских западников — как раз поиск причин «особости», исключительной сложности и противоречивости, сравнительно медленных темпов развития страны по европейскому пути, специфики исторической траектории ее европеизации, объяснения отличий таковой от западноевропейских аналогов. Огромное внимание при этом уделялось географическим факторам цивилизационного процесса в российском пространстве, и прежде всего тем, которые объективно тормозили вестернизацию. В их ряду — географическое положение страны на севере Евразии с весьма суровым климатом, что ограничивало ведение хозяйства и затрудняло благоустраивать быт; обширность ее неосвоенных пространств; очень низкая численность и плотность населения, которого физически не хватало для освоения огромных территорий. Здесь не было критической массы населения, необходимой для освоения территории «вглубь» (как в Западной и даже в Восточной Европе на землях к западу от российской границы), а не «вширь» [1].

Многие русские интеллектуалы, идеализировавшие Запад, видевшие в западных странах пример для подражания и ратовавшие за вестернизацию России, ее модернизацию, либерализацию и просвещение, не только не относили ее к европейской цивилизации, но и скептически оценивали возможность ее интеграции в Западный мир в будущем. Так, П.Я. Чаадаев (1794–1856) не включал Россию в число европейских стран и писал в «Философических письмах», что «эта связь, очень слабая в действительности, не скрепляет нас с Европой так тесно, как это воображают» [2, с. 433], но считал «усвоение лучшего опыта Европы» совершенно необходимым для процветания страны.

Россия – Восток. Данная концепция фиксирует давнюю «прививку» в России достижений азиатских цивилизаций, восточные корни русской культуры, близкую восточным обществам модель генезиса государства, а также своеобразие восточно-христианского, византийского наследия, столь отличного от западного.

Представление о России как об одной из стран глобального культурно-исторического Востока получило широкое распространение в западной историософии, в которой часто акцентируется ее особая связь с Азией. Концептуализирована эта точка зрения была еще в трудах Г.В.Ф. Гегеля (1770–1831) [3]. Согласно Гегелю, «великая славянская нация» исторически сформировала протяженное буферное пространство между Европой и Азией, но Россия, так и не приобщившись к «западному разуму», собственно к Западному миру не относится [4], ее культурные архетипы в большей степени имеют восточный генезис. Однако концепция Востока, предложенная Гегелем, трактовала восточный путь развития с точки зрения западного сознания и скорее как исторический тупик: как отмечает французский философ и историк М. Юлен, «просвещенным европейцам» его следует изучать и осмысливать как раз для того, чтобы его избежать [5, с. 8].

Тезис о глубинном, чуть ли не экзистенциальном противостоянии России и Запада, конечно же, упрощенный, искающий реальную и противоречивую историческую траекторию их взаимодействия, зналшего периоды как тесной культурной и экономической интеграции, так и цивилизационно-культурной дивергенции, свертывания хозяйственных и культурных связей, геополитического соперничества (что характерно и для наших дней). Однако сами по себе споры вокруг пресловутой дилеммы «Россия и Запад» не имеют однозначного выхода на историософский вопрос «Россия и Восток». Если Россия не часть «глобального Запада», из этого вовсе не следует, что она часть «глобального Востока».

Подчеркнем также, что исторических свидетельств выполнения Россией барьерных функций со своими соседями на востоке ничуть не меньше, чем таковых в пограничье со странами Запада. Отношение России к Востоку столь же амбивалентно, сколь и к Западу: здесь имела место не только культурная диффузия, но и противостояние.

Россия — мост между Западом и Востоком. Само географическое положение России создало благоприятную почву для появления такой концепции, и вполне закономерно, что многие отечественные мыслители обращали внимание на культурно-цивилизационные последствия взаимодействия европейских и азиатских народов друг с другом.

В концептуальном отношении представление о России как о межцивилизационном мосте между Западом и Востоком четко сформулировано В.О. Ключевским (1841–1911): «Исторически Россия, конечно, не Азия, но географически она не совсем и Европа. Это переходная страна, посредница между двумя мирами» [6, с. 65]. Концепция «моста» хорошо отражает синтетический, западно-восточный характер российской цивилизации, но при этом отводит ей роль посредника в диалоге культур.

Россия — Евразия, особый культурный мир, отличный и от Европы, и от Азии, от Запада и от Востока. Концепция особого пути развития России изначально разрабатывалась в основном российскими славянофилами, в связи с чем славянофильство часто (в том числе и в наши дни) рассматривают в качестве идейного предшественника евразийской доктрины. Однако евразийцы крайне скептически относились к стержневой идеологеме славянофилов о культурном и цивилизационном единстве славянских народов Европы, отрицали само существование единого славянского культурно-исторического типа (представление о котором ввел в историософский, географический и культурологический дискурс Н.Я. Данилевский [7]).

Россия в трактовке классиков евразийства (П.Н. Савицкого, Н.С. Трубецкого, Г.В. Вернадского и др.) — особый культурный мир, сложившийся на севере материка Евразия, на стыке западных и восточных этнокультурных влияний. Она выработала свой собственный генетический код, восприняв влияние Юга, Востока и Запада — наследие византизма, привнесенные из Азии традиции степной цивилизации, наследие Киевской и Московской Руси, а также пластиы европейской городской, преимущественно светской, культуры Нового Времени [8]. Особое внимание лидеры евразийской школы уделяли симбиотическому этнокультурному субстрату России — Евразии, сложившейся в ней за несколько столетий теснейшего межкультурного взаимодействия исторической общности славянских, уgro-финских, тюркских, монгольских и других этносов, представление о которой стало как бы «визитной карточкой» этого мощного историософского направления.

Труды классиков евразийской школы сохраняют научную ценность для отечественной культурной и исторической географии. Большой интерес их разработки представляют и с экономико-географической точки зрения. Один из главных теоретиков евразийства, П.Н. Савицкий (1895–1968), создал и далее успешно развивал учение о двух типах пространственной организации хозяйства, соответствующих двум типам цивилизаций — океаническому и континентальному. Экономика России-Евразии, большая часть которой расположена очень далеко от внешних («незамкнутых», открытых) незамерзающих морей (что затрудняет для страны доступ к трансокеаническому товарообмену и влияет на ее участие в международном разделении труда), как хорошо показано П.Н. Савицким, представляет собой типично материковое хозяйство. По П.Н. Савицкому, Россию можно считать своего рода страной-цивилизацией — «сухопутным океаном», или «континент-оceanом» [9].

Однако у евразийской концепции есть и уязвимые стороны. Чрезмерное акцентирование «универсальности» оборотной стороной неизбежно имеет культурный изоляционизм. В гипертроированной форме это проявляется в возвретиях современных «неоевразийцев», представителей идейного течения, прежде всего в российской философской мысли и политологии, сложившегося в конце XX–начале XXI в. Неоевразийцы (в частности, А.Г. Дугин и его последователи) поднимают на щит идею размежевания России с Западом, политического, духовного и экономического (а то и вообще глобального) противостояния ему. Такое позиционирование просто ортогонально идеям П.Н. Савицкого,

Г.В. Вернадского и других классиков евразийства о комплементарности, взаимодополняемости Европы и России, о синхронной (не обязательно равной) значимости европейских и азиатско-азийских пластов культурного пространства нашей страны. Намного органичнее с трудами евразийцев-основоположников связаны работы тех ученых второй половины XX—начала XXI в., которые продолжали развивать «географическую» линию евразийства, — Л.Н. Гумилёва (1912—1992), С.Б. Лаврова (1928—2000), а из современных авторов, например, А.Г. Дружинина [10].

По мнению автора, при всей амбивалентности исторических судеб нашей страны, значимости ее евразийских этнокультурных пластов Россия в большей степени страна «европейская», нежели «евразийская». Россия, включая и ее европейское историческое ядро, и огромную по протяженности полосу переселенческого освоения земель востока и юга страны выходцами из этого ядра, носителями европейской ментальности, — неотъемлемая часть общеевропейского культурного пространства. Однако часть специфическая, сильно отличающаяся по многим социокультурным параметрам от Западной и Центральной Европы. Жителям России по типу их ментальности, ценностям, культурным традициям, своему повседневному жизненному опыту зарубежная Европа в социокультурном отношении ближе, органичнее и «понятнее», чем большинство иных цивилизационных миров. Социокультурная дистанция, разделяющая россиян (особенно этнических русских — абсолютного большинства населения страны) и жителей зарубежной Европы, других стран Западного мира в целом намного меньше, чем та, что разделяет их и носителей «восточных», да и иных неевропейских, культурных традиций.

УНАСЛЕДОВАННЫЕ СТРУКТУРЫ РОССИЙСКОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА И ТРЕНДЫ ЕЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

Важнейшая исторически унаследованная черта, связанная с архетипическими социокультурными особенностями российского социума, — это огромная *пространственная рассредоточенность населения*. Отчасти эта специфика может быть объяснена природно-географическими факторами. Как писал Н.А. Бердяев (1874—1948), «в судьбе России огромное значение имели факторы географические, ее положение на земле, ее необъятные пространства» [11, с. 65]. Сами географические размеры российского пространства, с учетом неблагоприятных (а то и непригодных) условий для проживания на обширных территориях, предопределяют дисперсность расселения, разреженность и рассредоточенность социума и социальных связей.

Другая исторически унаследованная особенность пространственной организации российского общества — это *гиперцентрализация*. Для российского пространства характерны глубочайшие социокультурные различия по «вертикали»: город—село, крупный город—малый город и т. п. Эти различия в России во многих отношениях более выражены и отчетливы, они сильнее различий межрегиональных. «Расслоение» пространства по социокультурной вертикали резко усилилось в XX в., в советскую эпоху. Так, обитателей сопоставимых по размеру российских городов-миллионеров в разных частях страны разделяет, как правило, гораздо меньшая социокультурная дистанция, чем их же — с соседями, зачастую проживающими в депопулирующей сельской местности вблизи соответствующих областных центров.

Региональное самосознание разных групп русских имеет давние корни в европейском ядре страны, оно исторически укоренено в нем [12]. Для России и русских характерна определенная ослабленность региональной идентичности по сравнению с идентичностью общенациональной (российской) и этнической (русской). Так, по Л.В. Смирнягину (1935—2016), русской культуре присуща *аспациальность*, трактуемая как специфически пониженная ее реакция на фактор географического пространства, на три его главные ипостаси — расстояние, границу и место [13].

Вместе с тем немало аргументов можно привести и в противовес данной концепции. Еще в XIX в. Н.И. Костомаров писал о глубоком своеобразии «исторических» русских земель, формировавшемся с эпохи феодальной территориально-политической раздробленности [14]. Схожей точки зрения придерживался А.П. Щапов [15], близка она была и русским антропогеографам конца XIX—начала XX в. Из современных авторов об исторических корнях региональной идентичности в Европейской России много писал М.П. Крылов [16]. В соответствии с этой позицией, культурные районы в историческом ядре России большей частью «наследники» древнерусских земель. Культурный регионализм в России, особенно в ее европейской части, — феномен давний, со сложившимся и укорененным региональным самосознанием.

Таблица 1

**Численность и удельные веса титульных этносов и русских в автономиях РСФСР
(по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. [20])**

Республики и автономные области	Все население, тыс. чел.	Титульные этносы		Русские	
		тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
Карелия	790,2	78,9	10,0	581,6	73,6
Коми	1250,8	291,5	23,3	721,8	57,7
Адыгея	432,0	95,4	22,1	293,6	68,0
Карачаево-Черкесия	415,0	169,7*	40,9	175,9	42,4
Кабардино-Балкария	753,5	434,3**	57,6	240,7	32,0
Северная Осетия	632,4	334,9	52,9	189,2	29,9
Чечено-Ингушетия	1270,4	898,3***	70,7	293,8	23,1
Дагестан	1802,2	1444,8****	80,2	165,9	9,2
Калмыкия	322,6	146,3	45,4	121,5	37,7
Татарстан	3641,7	1765,4	48,5	1575,4	43,3
Мордовия	963,5	313,4	32,5	586,1	60,8
Чувашия	1338,0	906,9	67,8	357,1	26,7
Марийская АССР	749,3	324,3	43,3	356,0	47,5
Удмуртия	1605,7	496,5	30,9	945,2	58,9
Башкирия	3943,1	863,8	21,9	1548,3	39,3
Горно-Алтайская АО	190,8	59,1	31,0	115,2	60,4
Хакасия	566,9	62,9	11,1	450,4	79,5
Тува	308,6	198,4	64,3	98,8	32,0
Бурятия	1038,3	249,5	24,0	726,2	69,9
Якутия	1094,1	365,2	33,4	550,3	50,3
Еврейская АО	214,1	8,9	4,2	178,1	83,2

Примечание. * — карачаевцы и черкесы; ** — кабардинцы и балкарцы; *** — чеченцы и ингушки; **** — аварцы, даргинцы, кумыки, лезгины, лакцы, табасараны, ногайцы, рутульцы, агулы и цахуры.

Таблица 2

**Численность и удельные веса титульных этносов и русских в Еврейской автономной области и республиках РФ
(по данным Всероссийской переписи населения 2021 г. [21])**

Республики	Все население, тыс. чел.	Титульные этносы		Русские	
		тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
Карелия	533,1	25,9	4,9	407,5	76,4
Коми	737,9	127,1	17,2	398,5	54,0
Адыгея	496,9	98,1	19,7	287,8	57,9
Карачаево-Черкесия	469,9	264,4*	56,3	127,6	27,2
Кабардино-Балкария	904,2	623,5**	69,0	174,8	19,3
Северная Осетия — Алания	687,4	439,9	64,0	122,2	17,8
Ингушетия	509,5	473,4	92,9	3,3	0,7
Чечня	1510,8	1456,8	96,4	18,2	1,2
Дагестан	3182,1	2784,0***	87,5	102,2	3,2
Калмыкия	267,1	159,1	59,6	65,5	24,5
Татарстан	4004,8	2091,1	52,2	1574,8	39,3
Мордовия	783,6	290,8	37,1	406,1	51,8
Чувашия	1186,9	684,9	57,7	330,0	27,8
Марий-Эл	677,1	246,6	36,4	322,9	47,7
Удмуртия	1452,9	299,9	20,6	841,6	57,9
Башкирия	4091,4	1268,9	31,0	1509,2	36,9
Алтай	210,9	73,2	34,7	106,3	50,4
Хакасия	534,8	55,1	10,3	356,3	66,6
Тува (Тыва)	336,6	279,8	83,1	31,9	9,5
Бурятия	978,6	295,3	30,1	581,8	59,5
Саха (Якутия)	995,7	469,3	47,1	277,0	27,8
Еврейская АО	150,5	1,8	1,2	133,6	88,8

Примечание. * — карачаевцы и черкесы; ** — кабардинцы и балкарцы; *** — аварцы, даргинцы, кумыки, лезгины, лакцы, табасараны, ногайцы, рутульцы, агулы и цахуры.

Заметная нивелировка культурно-географических различий в российском пространстве в XX в., сопровождавшаяся почти повсеместно «размывом» регионального самосознания людей, во многом была обусловлена беспрецедентной социально-экономической трансформацией аграрной страны в условиях специфической индустриальной модернизации советского типа, что повлекло за собой деструкцию традиционной культуры [12].

За постсоветский период произошли важные сдвиги в геокультурном, и в частности этнокультурном, пространстве России. Так, сравнение данных переписей населения 1989, 2002, 2010 и 2021 гг. свидетельствует о двух трендах. Первый — так называемая коренизация этнической структуры населения большинства национальных республик России (рост удельного веса титульных национальностей и сокращение в этих республиках доли русского населения). Иллюстрацией данного процесса может служить сравнение данных последней Всесоюзной переписи населения (1989 г.) и последней Всероссийской переписи населения (2021 г.) (табл. 1, 2). Особенно отчетливо данный процесс выражен на Северном Кавказе [17].

Второй важный тренд в цивилизационно-культурном пространстве постсоветской России — своеобразное стягивание титульных народов национальных республик страны к их этническим территориям, они все более локализуются в пределах этих республик, характер расселения крупнейших этносов страны становится менее дисперсным (табл. 3).

Оба тренда свидетельствуют о том, что рост мультикультурности является своего рода мейнстримом трансформации российского социокультурного пространства.

Таблица 3

**Концентрация титульных народов национальных республик РФ
в пределах «своих» национально-государственных образований
(по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. [20] и Всероссийской переписи населения 2021 г. [21])**

Титульные этносы национальных республик РФ	Численность в 1989 г., тыс. чел.		Концентрация в пределах «своих» АТЕ, 1989 г., %	Численность в 2021 г., тыс. чел.		Концентрация в пределах «своих» АТЕ, 2021 г., %
	в «своих» АТЕ	в РСФСР		в «своих» АТЕ	в РФ	
Карелы	79	125	63,2	26	32	81,3
Коми	292	336	86,9	127	143	88,8
Адыгейцы	95	123	77,2	98	111	88,3
Карачаевцы	129	150	86,0	206	226	91,2
Черкесы	40	51	78,8	59	115	51,3
Кабардинцы	363	386	94,0	503	523	96,2
Балкарцы	71	78	91,0	121	125	96,8
Осетины	335	402	83,3	440	485	90,7
Ингушки	164*	215	76,2	473**	517	91,5
Чеченцы	735*	899	81,8	1457***	1674	87,0
Калмыки	146	166	88,0	159	179	88,8
Татары	1765	5522	32,0	2091	4683	44,7
Мордва	313	1073	29,2	291	484	60,1
Чуваши	907	1774	51,1	685	1066	64,3
Марийцы	324	644	50,3	247	423	58,4
Удмурты	497	715	65,3	300	386	77,7
Башкиры	864	1345	64,2	1269	1571	80,8
Алтайцы	59	69	85,5	73	78	93,6
Хакасы	63	79	79,7	55	61	90,2
Тувинцы	198	206	96,1	280	295	94,9
Буряты	250****	417	60,0	295	460	64,1
Якуты	365	380	96,1	469	478	98,1

П р и м е ч а н и е. АТЕ — административно-территориальная единица. * — в Чечено-Ингушской АССР; ** — в Республике Ингушетия; *** — в Чеченской Республике; **** — в Бурятской АССР (без учета Агинского Бурятского АО Читинской области и Усть-Ордынского Бурятского АО Иркутской области); ***** — в Республике Бурятия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Симбиотический характер российского социокультурного пространства не дает оснований для его традиционных (редукционистских) историософских трактовок. Именно симбиотика российского пространства предопределяет его цивилизационно-культурную специфику.

В целом пространство России в социо- и этнокультурном измерении характеризуется высокой степенью устойчивости. Исторический каркас расселения этносов и конфессиональных групп отличают инерционность, доминирование унаследованных пространственных структур. Более мобильна конфигурация собственно регионально-культурных различий, хотя местное самосознание ныне существующих территориальных культурных общностей, их региональная идентичность также в своей основе имеют прежде всего историческую подоплеку.

Тем не менее недооценивать значимость произошедших за два последних десятилетия изменений в этнокультурном пространстве страны все же не следует. Очевидна демографическая подоплека этнокультурных сдвигов. Глубокие различия в характере воспроизведения населения (а соответственно, и в демографической динамике) между разными этническими и конфессиональными общностями, представленными в пределах страны, становятся все более важным фактором ее постепенной этнокультурной трансформации. Представляется, что эти различия носят фундаментальный характер, имеют социокультурную и цивилизационную первооснову.

Другая группа факторов, влияющих на трансформацию социокультурного пространства страны, связана с процессами модернизации общества как такового. Рост социальной мобильности населения неизбежно находит отражение в характере его пространственной самоорганизации, в частности размываются этнокультурные барьеры, закономерно формируются зоны культурной диффузии и этно-контактные ареалы, очаги гетерогенизации этнической и конфессиональной структуры общества.

В последнее время много говорится и пишется о «повороте России на Восток» [18, 19]. При этом в контексте пространственного развития важно различать тренды внутрироссийские (изменения пространственной организации страны и российского общества) и «внешние» (позиционирование России и ее разных регионов в мире); в общем случае они не обязательно имеют сходную направленность.

Пространственное развитие отличается многомерностью. В geopolитическом измерении поворот России на Восток — тренд очевидный, четко проявившийся в последние 10–15 лет, а в 2020-е гг., в условиях ухудшения взаимоотношений России со странами Запада и переформатирования всей глобальной системы международных отношений, резко усилившийся.

В геоэкономическом измерении поворот на Восток ставится с начала XXI в. российским руководством как важная практическая задача. С учетом исторически сложившихся в стране экономико-географических диспропорций по линии Запад–Восток большое внимание уделяется инвестиционным проектам по стимулированию развития Сибири и российского Дальнего Востока, а во внешнеэкономической государственной стратегии — укреплению экономических связей с азиатскими странами (в частности, с государствами Восточной Азии, особенно с КНР). Однако если в региональной структуре внешнеэкономических связей страны роль ряда ее азиатских партнеров действительно растет, то в пространственной структуре экономики РФ сложившаяся дихотомия Запад – Восток существенно не меняется. Демографическая же и миграционная ситуация в азиатских регионах России явно не способствует развороту страны на Восток. Более того, доля азиатских районов в численности населения России, достигавшая в 1980-е годы почти 1/4 (и неуклонно увеличивавшаяся на протяжении почти всей советской эпохи), к 2020-м годам сократилась до 1/5. Демографические и миграционные процессы подчиняются прежде всего логике саморазвития, а возможности государства и прочих внешних акторов радикально влиять на них крайне ограничены.

В геокультурном измерении таковые еще меньше. Социокультурное пространство страны, формирующееся на протяжении многих веков, — наиболее устойчивое, оно не может радикально трансформироваться на кратковременных исторических отрезках. Неслучайно нарратив «поворота России на Восток», концентрируясь в основном на geopolитических и геоэкономических сюжетах, крайне мало затрагивает собственно культурно-цивилизационную проблематику. Никаких перспектив ориентализации огромной страны, прошедшей в Новое и Новейшее время несколько последовательных циклов вестернизации, просто нет. Геополитические и геоэкономические тренды могут быть по историческим меркам и краткосрочными, но их воздействие на исторически укорененные цивилизационные платформы очень ограничено. Мультикультурность же симбиотического российского социокультурного пространства предопределяет единственно возможную стратегию внешнего позиционирования России в мировом геоцивилизационном процессе — многовекторность ее развития.

Работа выполнена по теме госзадания Института географии РАН (124032900015-3, FMWS-2024-0008).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Стрелецкий В.Н.** Европейское и российское культурные пространства: опыт историко-географического сравнения // Исторический подход в географии и геоэкологии: Материалы VII Междунар. науч. конференции по исторической географии (Санкт-Петербург, 21–23 сент. 2023 г.). — СПб.; Петрозаводск: Изд-во Петрозаводск. ун-та, 2023. — С. 45–52.
2. **Чаадаев П.Я.** Философические письма // Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. — М.: Наука, 1991. — Т. 1. — С. 320–440.
3. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. — СПб.: Наука, 1993. — 480 с.
4. Hegel G.W.F. Die Vernunft in der Geschichte. — Berlin: Akademie Verlag, 1964. — 316 s.
5. Hulin M. Hegel et l'Orient. — Paris: J. Vrin, 1979. — 224 p.
6. Ключевский В.О. Курс русской истории. — М.: Мысль, 1987. — Т. 1 — 430 с.
7. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. — М.: Книга, 1991. — 574 с.
8. Вернадский Г.В. Начертание русской истории. — СПб.: Лань, 2000. — 320 с.
9. Савицкий П.Н. Континент-океан (Россия и мировой рынок) // Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. — София, 1921. — Кн. 1. — С. 110–141.
10. Дружинин А.Г. Идеи классического евразийства и современность: обществ.-геогр. анализ. — Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во Южн. федер. ун-та, 2021. — 270 с.
11. Бердяев Н.А. О власти пространств над русской душой // Бердяев Н.А. Судьба России. — М.: Сов. писатель, 1990. — С. 65–70.
12. Стрелецкий В.Н. Культурный регионализм в Германии и России: Автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. — М.: Изд-во Ин-та географии РАН, 2012. — 46 с.
13. Смирнягин Л.В. Территориальная морфология российского общества как отражение регионального чувства в русской культуре // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. — М.: Моск. обществ. науч. фонд, 1999. — С. 108–115.
14. Костомаров Н.И. Об отношении русской истории к географии и этнографии (лекция, прочитанная в Географическом обществе 10 марта 1863 г.) // Костомаров Н.И. Собрание сочинений. Исторические монографии и исследования. — СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1903. — Кн. 1, т. 3. — С. 718–731.
15. Щапов А.П. Естественно-психологические условия умственного и социального развития русского народа // Отечеств. записки. — 1870. — Т. 189, отд. 1. — С. 149–202.
16. Крылов М.П. Региональная идентичность в Европейской России. — М.: Новый хронограф, 2010. — 240 с.
17. Streletsky V. Ethnic, Confessional and Cultural Patterns of Regionalism in the PostSoviet Russia // Hungarian Geographical Bulletin. — 2017. — Vol. 66, N 3. — P. 219–233.
18. Поворот на Восток. Развитие Сибири и Дальнего Востока в условиях усиления азиатского вектора развития России / Отв. ред. И.А. Макаров. — М.: Междунар. отношения, 2016. — 448 с.
19. Вопросы географии. Вып. 148: Россия в формирующейся Большой Евразии / Отв. ред. В.М. Котляков, В.А. Шупер. — М.: Кодекс, 2019. — 376 с.
20. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Национальный состав населения РСФСР / Госкомстат РСФСР. — М.: Республ. информ.-аналит. центр, 1990. — 747 с.
21. Population Statistics of Eastern Europe and Former USSR 2021 [Электронный ресурс]. — <http://pop-stat.mashke.org/russia-ethnic2021.htm> (дата обращения 01.07.2024).

Поступила в редакцию 26.08.2024

После доработки 20.09.2024

Принята к публикации 31.10.2024